

*Этот роман посвящается
членам Общества научной фантастики Сент-Луиса.
Я люблю вас всех*

Посланник

Одноглазый сказал, что чудес и знамений было предостаточно и если мы неправильно их истолковали, то винить нам следует лишь себя. Все мы крепки задним умом, но Одноглазому в этом нет равных. Это все, наверное, из-за увечья.

Молния, сверкнув посреди ясного неба, поразила Некропольский холм — задела бронзовую табличку, запечатывавшую склеп форвалак, и вдвое ослабила сдерживающее их заклинание. Выпал каменный град. Закровоточили статуи. Жрецы нескольких храмов сообщили о жертвенных животных, у которых то сердца не было, то печени. Одна почти выпотрошенная жертва даже сбежала — ее так и не поймали. В Развильных бараках, где размещались городские когорты, образ Теуса повернулся кругом. Девять вечеров подряд десять черных стервятников кружили над Бастионом, а потом один из них прогнал орла, обитавшего на верхушке Бумажной башни.

Астрологи отказывались глядеть в небеса, опасаясь за свою жизнь. По улицам бродил безумный предсказатель, возвещающий близкий и неизбежный конец света. А на фасах покинутого орлом Бастиона плющ засох и сменился каким-то ползучим растением, чьи листья теряли черноту лишь при самом ярком солнечном свете.

Но подобное случалось и раньше, из года в год. Задним числом что угодно можно выдать за предвестие, тут большого ума не надо.

И все же события не должны были застать наш Отряд врасплох. Как-никак у нас четыре собственных колдуна, пусть и со скромными способностями. Конечно, столь изощренным искусством, как гадание на овечьих потрохах, наши колдуны не владеют, но худо-бедно они должны охранять нас от таящихся в будущем опасностей.

Впрочем, лучший авгур всегда тот, кто предсказывает будущее по знамениям прошлого. Его успехи зачастую поразительны.

Берилл непрерывно трясло и шатало, он мог в любую минуту рухнуть в пропасть хаоса. Самый великий из Драгоценных городов пребывал во власти дряхлости, упадка и безумия; в нем витали миазмы разложения нравов; здесь все говорило о вырождении. По его ночным улицам могло красться что угодно и кто угодно, и лишь последний глупец удивился бы этому.

Я распахнул настежь все ставни, молясь о ветерке с гавани, пусть даже воняющем тухлой рыбой и нечистотами. Увы, ветра не хватило бы даже колыхнуть паутину. Я вытер вспотевшее лицо и встретил первого пациента недовольной гримасой:

— Опять вошек подхватил, Кудрявый?

Тот слабо ухмыльнулся. Лицо у него было бледным.

— Да нет, Костоправ. Живот болит.

Его макушка напоминала отполированное страусовое яйцо, отсюда и прозвище. Я сверился с расписанием караулов и нарядов. Все нормально, уклоняться Кудрявому вроде не от чего.

— Здорово прихватило, честное слово.

— Гм... — Я уже понял, в чем дело, и напустил на себя профессиональный вид. Несмотря на жару, кожа у Кудрявого была холодная и липкая. — Скажи-ка, ты ел недавно где-нибудь в городе?

На его лысину спикировала муха и принялась разгуливать, словно завоеватель. Он этого даже не заметил.

— Ага. Раза три-четыре.

— Гм... — Я намешал вонючую микстуру, внешне похожую на молоко. — Выпей. До дна.

От первого же глотка он скривился.

— Слышь, Костоправ, я...

Аромат лекарства даже меня пронял.

— Пей, приятель. Двоих я не сумел спасти — слишком поздно отыскал это противоядие. А вот Лодырь его выпил и жив остался.

Об этом уже многие слышали. Кудрявый выпил.

— Выходит, то отравка была? Синие, будь они прокляты, мне чего-то подмешали?

— Успокойся, ничего с тобой не будет. — Мне пришлось вскрыть Косоглазого и Дикого Брюса, чтобы узнать причину их смерти — хитро действующий яд. — Приляг у окна, там попрохладнее будет... если, конечно, этот чертов ветерок когда-нибудь подует. И лежи спокойно, пусть лекарство делает свое дело. — Я уложил его на кушетку. — Расскажи-ка, что ты ел.

Я взял перо и склонился над прищипленной к столу картой города. Лодыря и Дикого Брюса, пока тот был жив, я уже расспросил, а сержант из взвода покойного Косоглазого по моей просьбе выяснил, где бедняга накануне набивал брюхо. Я не сомневался, что яд парням подсыпали в одной из нескольких таверн рядом с Бастионом, куда частенько заглядывали солдаты. Показания Кудрявого совпали со словами его предшественников.

— Есть! Вот теперь эти сволочи попались.

— Какие сволочи?! — вскинулся Кудрявый.

Ему не терпелось самому свести счеты.

— Отдыхай. А я к Капитану схожу.

Я похлопал его по плечу и заглянул в соседнюю комнату. Кроме Кудрявого, никто на утренней поверке не назвался больным.

Выбрав длинную дорогу, я пошел по Трянской стене, что нависала над городской гаванью. На полпути остановился и посмотрел на север. Там, за молом, маяком и Крепостным островом, простиралось Пыточное море. Его тусклые серо-коричневые воды были усеяны разноцветными пятнышками каботажных доу, которые ползли по невидимой паутине морских путей, соединяющих Драгоценные города. Воздух над гаванью был неподвижным, тяжелым и туманным, горизонт не просматривался. Но у самой воды резвился ветерок — возле острова всегда дует легкий бриз, хотя суши он избегает с таким упорством, словно боится подцепить проказу. Неподалеку кружили чайки, утрюмые и вялые. Нам, людям, наступающий день грозил тем же самым.

Еще одно лето на службе у вечно потного и мрачного бериллского синдика, которого мы защищаем от политических соперников и вечно буянящих местных войск. Еще одно лето будем рвать задницы, а наградят нас примерно как Кудрявого. Впрочем, нет, платили нам хорошо, но работа была не в радость, не лежала к ней душа. Нашим ушедшим братьям было бы стыдно за нас, узнай они, как низко мы пали.

Берилл погряз в нищете, но все же это древний и загадочный город. Его история напоминает бездонный колодец, наполненный мутной водой. Я иногда развлекаюсь, шаря в его темных глубинах, и пытаюсь отделить факты от домыслов, легенд и мифов. Это нелегкая задача, потому что ранние историки города писали с оглядкой на тогдашних его властителей.

Для меня самый интересный период — эпоха древнего королевства, почти не отраженная в хрониках. Именно тогда, во времена правления Найама, в город пришли форвалаки, и на целое десятиле-

тие воцарился ужас. В конце концов они были побеждены и замурованы в склепе на Некропольском холме. Отголоски тех страстей сохранились в фольклоре, например в предостережениях, которыми матери увещевают непослушных детей. Сейчас уже никто не помнит, что представляла из себя форвалака.

Я зашагал дальше, понемногу зверея от жары. В своих будках прятались от солнца часовые, обмотав шеи полотенцами.

Ветерок застал меня врасплох. Я повернулся к гавани. Мимо Крепостного острова шел корабль — огромное неуклюжее чудовище, по сравнению с которым доу и фелюки выглядели карликами. В центре пузатого черного паруса выпирал серебряный череп, окаймленный мерцающим серебряным кольцом. Глазницы светились красным, в щербатой пасти вспыхивали огоньки.

— Это еще что за хреновина? — спросил часовой.

— Не знаю, Снежок.

Размер корабля поразил меня даже больше, чем парус. Четырём колдунам нашего Отряда вполне по силам сотворить нечто столь же эффектное, но мне никогда не случилось видеть галеру с пятью рядами весел.

Я вдруг вспомнил о своих обязанностях.

Когда я постучал в дверь Капитана, тот не ответил. Я сам пригласил себя войти и увидел его храпящим на большом деревянном стуле.

— Тревога! — взревел я. — Пожар! Стон взбунтовался! Танцор ломится во врата Рассвета!

Танцор — генерал, когда-то едва не уничтоживший Берилл. Люди до сих пор вздрагивают, услышав его имя.

Капитан даже не приподнял веки и не улыбнулся.

— Ты слишком обнаглел, Костоправ. Когда наконец научишься соблюдать субординацию?

Намек на субординацию означал, что мне полагалось сперва потревожить Лейтенанта. Сон начальства священен, и прерывать его дозволено только в исключительных случаях — например, если синие начали штурм Бастиона.

Я доложил про Кудрявого и показал выявленное место на карте. Капитан снял ноги со стола.

— Похоже, для Добряка есть работенка, — хмуро заключил он.

Черный Отряд не прощает покушений на своих братьев.

Добряк — самый злобный из наших взводных. Он решил, что дюжины человек вполне хватит, но разрешил мне и Молчуну присоединиться. Я могу заштопать раненых, а Молчун пригодится на

тот случай, если синие полезут в бутылку. Молчун задержал нас на добрых полдня, отправившись на «короткую» прогулку в лес.

— Ты чего затеял? — поинтересовался я, когда он вернулся с ветхим мешком за спиной.

Он лишь ухмыльнулся в ответ. Молчун, он и есть Молчун.

Заведение, куда мы направились, называлось «У мола» — уютная таверна, в которой я провел немало вечеров. Добряк послал троих к задней двери и поставил по два человека у каждого из двух окон. Еще двое забрались на крышу. У любого здания в Берилле есть люк на крыше — летом люди предпочитают спать наверху.

Остальные вошли через главный вход.

Добряк, парень невысокий и задиристый, обожает драматические эффекты. Ему только фанфар не хватало.

Вытаращившись на наши щиты и обнаженные клинки, посетители замерли. Сквозь прорези в забралах на них в ответ глядели мрачные лица.

— Верус! — гаркнул Добряк. — А ну тащи сюда свою задницу!

Появился патриарх семейства, владеющего таверной, и бочком, словно шелудивый пес в ожидании пинка, стал приближаться. Посетители загомонили.

— Молчать! — рявкнул Добряк.

Этот коротышка умел реветь не хуже медведя.

— Чем могу помочь, премногоуважаемые? — спросил старик.

— А теперь, синий, веди сюда сыновей и внуков.

Заскрипели стулья. Какой-то солдат вонзил в столешницу нож.

— Сиди спокойно, — охладил его Добряк. — Пришел пообедать, вот и лопай. Через час всех отпустим.

— Я ничего не понимаю, господин, — задрожал старик. — Что мы такого сделали?

— Ловко прикидываешься, Верус, — зловеще ухмыльнулся Добряк. — Ты преступник. Отравитель. Тебе предъявляется обвинение в двух убийствах. И еще в двух покушениях на убийство. Магистрат велел применить «наказание раба».

Добряк откровенно наслаждался происходящим. Я никогда не испытывал к нему симпатии. Он так и остался гадким мальчишкой, обрывающим мухам крылышки.

«Наказание раба» — это когда виновного публично распинают и оставляют на растерзание стервятникам. В Берилле только преступников хоронят без кремации — или вообще не хоронят.

Из кухни донесся шум драки. Кто-то попытался выскользнуть через задний ход. Наши парни явно возражали против этого.

Зал таверны словно взорвался, и на нас ринулась размахивающая кинжалами толпа.

Нас оттеснили к выходу. Те, кто был ни в чем не виновен, опасались, что их заметут за компанию. Правосудие в Берилле быстрое и суровое, оно редко предоставляет обвиняемому возможность оправдаться.

Один из наших рухнул — кто-то ухитрился ткнуть его кинжалом. Боец из меня неважный, но я без колебаний занял место павшего. Добряк что-то буркнул — явно про меня и явно что-то ехидное, — но что именно, я не разобрал.

— Я все слышал, и ты раз и навсегда потерял шанс на бессмертие, — отозвался я. — Хрен тебе теперь, а не Анналы.

— Черт! От тебя ничего не ускользнет.

Дюжина горожан уже полегла, на неровном полу растекались лужи крови. За окнами столпились зеваки. Скоро какой-нибудь искатель приключений нападет на нас сзади.

Добряка кольнули кинжалом, и он потерял терпение.

— Молчун!

Молчун уже трудился, но ведь он Молчун, а это означает: никаких звуков и почти никакого гнева.

Посетители таверны отхлынули, хлопая себя по щекам и размахивая руками. Они подпрыгивали, приплясывали, хватались за спины и задницы, орали и жалобно вскрикивали. Некоторые свалились без сознания.

— Что ты сделал? — спросил я Молчуна.

Тот ухмыльнулся, продемонстрировав острые зубы, и провел грязной рукой у меня перед глазами. Я увидел таверну словно в другой перспективе.

В мешке, который Молчун притащил с собой, было осиное гнездо, — если вам здорово не повезет, можете наткнуться на такое в лесах южнее Берилла. Обитателями гнезда оказались смахивающие на шмелей чудовища, которых крестьяне называют лысорожими шершнями. Злобнее тварей у матушки-природы нет. Теперь они быстро обрабатывали толпу в таверне, не трогая наших парней.

— Отличная работа, Молчун, — похвалил Добряк.

Он отвел душу на парочке беспомощных посетителей, после чего погнал уцелевших на улицу. Я склонился над одним раненым из наших, а остальные парни тем временем приканчивали еще дышавших противников. «Экономим синдикку расходы на суд и палача» —

так говорил об этом Добряк. Молчун стоял в сторонке и знай себе ухмылялся. Он тоже не из сентиментальных, но редко участвует в расправах.

Мы и не ожидали, что наберется так много пленных. Колонна растянулась на целый квартал.

— Изрядный улов, — подмигнул Добряк. — Спасибо, Молчун.

Судьба — переменчивая сука. Она привела нас в таверну «У мола» в критический момент. Пошарив по тамошним укромным уголкам, наш колдун выявил схрон под винным погребом, где пряталась целая толпа. Среди прятавшихся были и некоторые из лидеров синих.

Добряк громко разглагольствовал о том, какую щедрую награду заслужил осведомитель. Такого, разумеется, не существовало, и весь этот треп был нужен для того, чтобы наши ручные колдуны не стали главными мишенями для ответного удара. Пусть враг ищет несуществующих доносчиков-шпионов.

— А ну двинулись! — приказал Добряк и, все еще ухмыляясь, обвел взглядом угрюмую толпу. — Или хотите рискнуть своими шкурами?

Никто не шелохнулся. Уверенность Добряка охладила даже самые горячие головы.

Наша колонна растянулась по лабиринту старинных улочек. Пленники брели молча, а я не таясь пялился по сторонам. Мои товарищи равнодушны к прошлому, но я не мог не дивиться — подчас с почтительным трепетом — тому, сколь глубоко уходит в былое история Берилла.

Неожиданно Добряк велел остановиться. Мы вышли к проспекту Синдиков, который начинается у Таможни, тянется через центр и заканчивается возле главных ворот Бастиона. По проспекту двигалась процессия, и, хотя мы подошли к перекрестку первыми, Добряк решил уступить дорогу.

Процессия состояла из сотни вооруженных людей, выглядевших покуче любого отряда в Берилле, за исключением нашего. Во главе ехал кто-то черный на вороном жеребце — такого огромного коня мне еще видеть не доводилось. Всадник был мал ростом, женоподобно худ и затянут в потертую черную кожу. Черный морион полностью скрывал его лицо, а черные перчатки — руки. Оружия я не заметил.

— Будь я проклят!.. — прошептал Добряк.

Я встревожился. Всадник выглядел страшно; нечто первобытное, таившееся в самой глубине моей души, побуждало броситься наутек. Но неистребимое любопытство удерживало на месте. Кто он такой? Не на том ли загадочном корабле приплыл? Что ему здесь нужно?

Взгляд невидимых глаз всадника скользнул по нам равнодушно, словно по стаду овец. Потом незнакомец резко обернулся и уставился на Молчуна.

Тот выдержал взгляд, не показав страха. И все же у меня создалось впечатление, что его каким-то образом унизили.

Процессия проследовала мимо, вышколенная, дисциплинированная. Потрясенный Добряк, все еще не придя в себя, велел пленникам двигаться дальше. Когда мы следом за чужаками вошли в ворота Бастиона, нас разделяло лишь несколько ярдов.

Мы арестовали почти всех самых непримиримых лидеров синих. Когда молва о нашем налете распространилась, те смутьяны, что пошустрее, решили размять мускулы. Из брошенной ими искры разгорелось чудовищное пламя.

Погода, которая никогда не бывает сносной, скверно влияет на способность рассуждать здраво. Толпа в Берилле — воплощенная дикость. Бунты вспыхивают почти без причины. А уж если доходит до крайностей, погибших считают тысячами. Этот бунт оказался одним из самых жестоких.

Половину вины за него следует возложить на армию. Вереница слабых, быстро сменяющих друг друга синдиков сильно расшатала дисциплину, войска стали неуправляемы. Хотя бунтовщикам они обычно очень даже рады, рассматривая приказ подавить бунт как разрешение на грабеж.

Но случилось наихудшее. Несколько когорт из Развильных барачков, прежде чем отправиться наводить порядок, потребовали особой оплаты, причем авансом. Синдик платить отказался.

Когорты взбунтовались.

Взвод Добряка спешно закрепился возле Мусорных врат и сдерживал все три когорты. Почти все наши погибли, но никто не победил. Сам Добряк потерял глаз и палец, был ранен в плечо и бедро, а в его щите, когда подоспела подмога, насчитали более сотни дырок. Взводного принесли ко мне скорее мертвым, чем живым.

Кончилось все тем, что бунтовщики предпочли разбежаться, чем сразиться лицом к лицу с остальным Черным Отрядом.

Такого жестокого мятежа я не помнил. Мы потеряли почти сотню братьев, а ведь всегда считалось, что даже один убитый — это

слишком много. Но мы поквитались за каждого — мостовые Стона были устланы ковром из трупов. Крысы ходили жирные, а с окраин на городские улицы перебрались стаи ворон и стервятников.

Капитан приказал Отряду укрыться в Бастионе.

— Подождем, пока все само заглохнет, — сказал он с отвращением. — Мы хорошо поработали. Контракт не требует от нас самоубийства.

Кто-то пошутил насчет того, что мы сами себе враги. Мол, осталось только на собственные мечи броситься.

— Похоже, синдик именно этого от нас и ждет.

Берилл плохо действовал на нас, но хуже всего пришлось Капитану. Тот винил во всех наших неудачах себя и даже попытался отказать от командования.

Вошедшая во вкус толпа всячески поддерживала творящийся вокруг хаос, оказывая мрачное, тупое, точечное сопротивление и вмешиваясь в любые попытки тушить пожары или предотвращать грабежи. Но, слава богам, она только этим и ограничивалась. Мятежные когорты, пополнившись дезертирами из других отрядов, убивали и грабили без остановки.

На третью ночь, сдуру вызвавшись нести караульную службу, я стоял на Треянской стене. Город был необычайно тих. Не будь я настолько усталым, насторожился бы, но сил хватало лишь на то, чтобы не заснуть.

Ко мне подошел Тамтам:

— Костоправ? Ты-то здесь откуда?

— Это временно.

— Видок у тебя — краше в гроб кладут. Лучше иди отдохни.

— Да ты и сам не очень-то хорошо выглядишь, коротышка.

Он пожал плечами:

— Как Добряк?

— Пока еще не выкарабкался. — Если откровенно, я почти и не надеялся, что он выживет. Я ткнул пальцем в темноту. — Не знаешь, что там происходит?

Издалека донесся одинокий вопль — какой-то странный, не похожий на звучавшие недавно. Те были полны боли, ярости и страха, а этот насыщен чем-то жутким, чем-то темным.

Тамтам покашлял и похмыкал, в точности как это делает его брат Одноглазый. Ах, не знаешь? Ну и не знай дальше. Колдуны, одно слово.

— Ходит слухок, что бунтовщики, когда грабили Некропольский холм, сбили печать на склепе форвалак, — проворчал он наконец.

— Да неужели? И что, эти твари вырвались на волю?

— Синдик полагает, что да. Но Капитан как-то не принял известия всерьез.

Я тоже не принял, хотя Тамтам выглядел встревоженным.

— А те парни, что заявили вчера в город, похоже, крутые.

— Неплохо бы их к нам завербовать, — тоскливо произнес Тамтам.

Они с Одноглазым уже давно служили в Отряде и собственными глазами наблюдали его упадок.

— И что их сюда привело?

Тамтам пожал плечами:

— Ступай, Костоправ, отдохни. Не рви задницу. Никому от твоей усталости легче не станет.

И он заковылял прочь, затерявшись в дебрях своих размышлений.

Я озадаченно поднял бровь, отметив, что Тамтам сильно сдал за последнее время, — и вновь принялся наблюдать за пожарами и кострами. В городе было тихо, и это тревожило. Глаза слипались, огни расплывались. Тамтам прав — нужно выспаться.

Из мрака донесся еще один непривычный, полный отчаяния вопль. На сей раз кричавший находился куда ближе.

— Вставай, Костоправ. — Лейтенант растолкал меня, не церемонясь. — Капитан зовет в офицерскую столовку.

Я застонал. Я выругался. Я пригрозил сделать из Лейтенанта инвалида. Он ухмыльнулся, защемил нервный узел в моем локте и стянул меня с постели на пол.

— Да проснулся я, проснулся, — буркнул я, нашаривая сапоги. — В чем дело-то?

Но Лейтенант уже ушел.

— Добряк оклемается? — спросил Капитан.

— Не думаю, но я всякие чудеса видывал.

Офицеры и сержанты уже собрались.

— Вы все хотите знать, что случилось, — начал Капитан. — Позавчерашний гость оказался заморским посланником. Он предложил союз: военные ресурсы северян в обмен на поддержку флота Берилла. На мой взгляд, разумно. Но синдик заупрямился. Он еще не пришел в себя после завоевания Опала. Я посоветовал быть гибче. Если эти северяне — подонки, союз с ними будет меньшим из

нескольких зол. Лучше быть союзником, чем данником. Главный вопрос сейчас немного другой: как действовать, если посланник потребует слишком многого?

— Значит, если синдик прикажет драться с северянами, то нам следует отказаться? — уточнил Леденец.

— Не исключено. Сражение с чародеем может закончиться гибелью всего Отряда.

Бабах! — грохнула распахнутая дверь. В столовую влетел невысокий жилистый смуглый мужчина с огромным носом. Капитан вскочил и щелкнул каблуками:

— Синдик.

Гость шарахнул по столу обоими кулаками сразу:

— Вы приказали своим людям укрыться в Бастione. Я плачу вам не за то, чтобы вы прятались, как побитые кнутом шавки.

— Но и не за то, чтобы мы добровольно стали мучениками, — ответил Капитан своим обычным «не-зли-дурака» голосом. — Мы телохранители, а не полиция. Поддерживать на улицах порядок — обязанность городских когорт.

Синдик был на грани срыва — измотанный, перепуганный, отчаявшийся. Как и каждый из нас.

— Будьте благоразумны, — посоветовал Капитан. — Берилл уже миновал точку, после которой возврата нет. На улицах хаос, любая попытка восстановить порядок обречена. Сейчас какое лекарство ни пропиши, больному будет только хуже.

Мне его слова понравились. Я уже успел возненавидеть Берилл. Синдик слегка сжался.

— А как же форвалака? — спросил он. — И этот стервятник с севера, что ждет возле острова?

Полусонный Тамтам встрепенулся:

— Как-как? Возле острова?

— Да. Дождается, когда я к нему приползу на коленях.

— Интересно, — сказал коротышка-колдун и вновь впал в полудрему.

Капитан и синдик ожесточенно заспорили об условиях контракта. Я принес наш экземпляр. Синдик упорно пытался расширить круг наших обязательств всяческими «да, но...». Все было яснее ясного: он хотел, чтобы мы сражались на его стороне, если посланник выдвинет ультиматум.

Эльмо захрапел. Капитан отпустил всех, а сам остался с нашим нанимателем.

Содержание

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Черный Отряд. <i>Перевод А. Новикова</i>	5
Замок Теней. <i>Перевод М. Шведова</i>	279
Белая Роза. <i>Перевод Д. Смушковича</i>	573